

Чжоу Юй обрушился на него всем телом, повалив на кровать и намертво прижав, зажал ему рот ладонью. Голос его звучал приглушённо, почти шёпотом:

— А-Минь, это условие братства «Пять слив». Они подозревают, что А-Янь — полицейский «крот», и требуют выдать его им для допроса. Разве могу я позволить, чтобы А-Яня пытали? Вот они и предложили этот тест. А-Минь, успокойся. Разве его появление в Мули не кажется тебе подозрительным?

Услышав это, Ло Минь забился ещё яростнее. Он смотрел на Чжоу Юя, и во взгляде его пылала ярость.

Чжоу Юй понял его без слов и тут же продолжил:

— А-Минь, выслушай меня. Я не сомневаюсь в тебе, никогда не сомневался. Я давно жизнь тебе вручил, всегда тебе доверял больше всех. Но ты же не видел А-Яня шесть лет. Ты знаешь, чем он всё это время занимался? Скажу прямо: подозревают его не только я. И старик Чжэн, и дядя Юань — все в нём сомневаются. Да и ты сам под подозрением. Поэтому мы все и согласились на этот тест.

Ло Минь, услышав такое, пришёл в ещё большую ярость. Но Чжоу Юй, будучи выше и сильнее, всей тяжестью навалился на него, не давая пошевелиться. От бессильного гнева лицо Ло Миня побагровело.

Чжоу Юй боялся, как бы тот в запале не ляпнул чего лишнего, что дойдёт до Ли Юаня, — тогда беды не миновать. Он крепко держал ладонь на его губах и горячо шептал на ухо:

— А-Минь, подумай сам. Для А-Яня этот тест — наименьшее из зол. Сначала те трое ублюдков из «Пяти слив» требовали прислать своего человека, но я наотрез отказался. Дядя Юань тоже был против. Как-никак, А-Янь — твой родственник. Даже если карать, так своєю рукой, куда чужим соваться? Они и отступились. А среди наших исполнителей всего двое на примете: старик Чжэн и дядя Юань. А-Минь, выбери сам, кому бы ты доверил?

Движения Ло Миня понемногу затихли. Он понимал: Чжоу Юй сделал всё, что мог, и по уставу, и по человечески. Но... глядя на человека, что придавил его сверху, он вдруг вспомнил, как тот мучил его прошлой ночью, закрывая ему глаза, избегая встретиться взглядом. И в сердце его поднялась, закипела ненависть.

Чжоу Юй почувствовал, как Ло Минь внезапно замер, но взгляд его с каждой секундой становился холоднее. Тревога кольнула Чжоу Юя, и он осторожно убрал руку с его рта.

— Юй-гэ, — тихо, но очень чётко произнёс Ло Минь. — А-Янь... он же ещё ребёнок. Ему и восемнадцати нет. Разве полиция стала бы внедрять в агенты мальчишку?

— Что? — Чжоу Юй остолбенел. — Но ты же говорил, ему двадцать два.

Лицо Ло Миня побелело, словно обратилось в лёд. — Я говорил тебе, что А-Янь... сирота. Вырос в приюте. Когда моя тётя со своей спутницей решили усыновить детей, они хотели двух девочек. Но по правилам, если берёшь двоих одного пола, нужно взять и хотя бы одного противоположного, не старше четырнадцати. Моя тётя и её жена мальчиков не жаловали, потому и поставили условие: чтобы мальчик был смиренным и постарше, от тринадцати лет. Директор приюта к А-Яню привязался, решил, что характер у него самый подходящий, и самолично возраст в документах исправил. Он и так был выше сверстников, а тётя моя, когда за сестрёнками приехала, на него и взглянуть не удостоила, так что несоответствия и не

заметила. Забрала и всё. В семье его никто не любил. Но он был тихий, терпел молча. Мне жалко стало, я с ним играть стал, вот он понемногу и разговорился. Так я и узнал, что на самом деле он гораздо младше. — Голос его дрогнул, на глазах выступили слёзы. — Юй-гэ, ему нет восемнадцати. Умоляю, поговори с дядей Юанем, пусть отпустит его.

На лице Чжоу Юя мелькнула боль. Он крепко обнял Ло Миня и глухо проговорил:

— А-Минь, уже поздно.

В этот миг сквозь толстую дверь прорвался долгий, полный боли крик, отчётливо долетев до их ушей.

Сердце Ло Миня сжалось в тугой, мучительный узел. Он вспомнил, как прошлым вечером тот мальчишка с горящими глазами приставал к нему, просил разделить с ним постель, так наивно жаждал узнать, что такое любовь. А он, не задумываясь, отказал. Отказал ради Чжоу Юя. Ради этой запретной, глубокой любви в своём сердце он отверг первую попытку ребёнка.

Каким бы искусным убийцей он ни был, он всё равно оставался неискушённым юнцом. Ради задания сейчас он не смеет показать свои навыки, должен отбиваться, как обычный подросток, в конце концов позволить Ли Юаню взять своё, не смея даже защититься по-настоящему. Всё, что ему остаётся, — принять. Принять эту поругание, эту боль.

От этих мыслей сердце Ло Миня резало, будто ножом, лицо постепенно становилось землисто-серым.

Чжоу Юй никогда не видел его таким и забеспокоился не на шутку. Боясь, что тот задохнётся, он приподнялся на руках, ослабив давление.

Ло Минь резко оттолкнул его и выплюнул на простыню алую кровь.

Чжоу Юй в ужасе ахнул:

— А-Минь! Ты в порядке? Успокойся!

Услышав слово «успокойся», Ло Минь вдруг ясно вспомнил, как вчера Лин Цзыхань, глядя ему прямо в глаза, строго-настрого наказывал: что бы ни случилось, главное — сохранять хладнокровие. «Помни об этом, — говорил он. — Помни».

Он мгновенно пришёл в себя, оттолкнулся от кровати и направился к двери.

Чжоу Юй поспешно преградил ему путь:

— А-Минь, не ходи туда.

— Путь, — тихо, но не допуская возражений, бросил Ло Минь.

Чжоу Юй попытался обнять его, лицо его выражало искреннее участие. — А-Минь, послушай меня, прошу. Не ходи.

Ло Минь холодно взглянул на него:

— Разве дядя Юань не велел тебе оставаться со мной? Хочешь, чтобы я отсиживался, как трус? Моего брата там насилуют, я не могу его спасти, а ты ещё требуешь, чтобы я глаз не смел поднять, боясь насмешек?

Чжоу Юй тихо вздохнул:

— Ты же сам понимаешь, это всего лишь проверка. Если А-Янь её пройдёт, вы оба будете чисты. Оно того стоит.

Ло Минь, кажется, уже не желал с ним разговаривать. Он шагнул вперёд.

Чжоу Юй снова попытался его удержать.

Ло Минь посмотрел на него и отчеканил, разделяя слова:

— Босс, не волнуйся. Я не сделаю ничего безрассудного. Я просто хочу выйти и посмотреть. Когда всё кончится, я заберу А-Яня и уйду. Допустимо?

Чжоу Юй взглянул на его лицо, на алую полоску крови в уголке губ, и сердце его сжалось от жалости и бессилия. Помедлив мгновение, он кивнул.

Ло Минь распахнул дверь и вышел.

За дверью множество приборов мигали разноцветными цифрами, а на экране разворачивалось насилие.

Всё происходило у всех на глазах, в мельчайших подробностях.

Ли Юань уже сломил сопротивление юноши, перевернул его стройное, хрупкое тело лицом вниз и придавил к кровати. Его жёсткий член яростно вгонял в узкий проход, и с каждым жестоким движением брызги алой крови падали на молодую, гладкую кожу.

Казалось, мальчик уже истратил все силы в отчаянной борьбе. Теперь он лишь безвольно лежал, вцепившись в простыню, стиснув зубы, с закрытыми глазами, и лишь изредка, под особенно грубым толчком, из его губ вырывался сдавленный стон.

К этому моменту Лин Цзыхань был готов.

Каждый из их группы «Серебряный крылатый охотник» был элитой среди элит, прошёл жесточайший отбор и закалку. Они были не просто убийцами. Их проникательность и аналитические способности в большинстве вопросов далеко превосходили обычный человеческий уровень, и они могли мгновенно принимать точные и решительные действия. Даже если оптимальным выбором была их собственная гибель, они шли на это без малейших колебаний.

<http://bllate.org/book/16287/1467722>